

## ИЗМЕНЕНИЯ И СИЛЫ В АТЛАНТИЧЕСКОМ УПАДКЕ

### *Из введения к сборнику “Chiesa multipolare nella crisi dell’ordine”.*

Социальные изменения и отношения власти, классовая борьба и борьба государств, обусловленная неравномерным экономическим и политическим развитием, находятся в центре любого размышления о революционной стратегии с момента её зарождения в “Манифесте Коммунистической партии” 1848 года. Такое понимание требует анализа правящего класса, его политических форм, его государства и системы государств.

Поэтому неудивительно, что именно социальная динамика и международная политика стали двумя ключевыми направлениями, через которые католическая церковь и Ватикан в последние десятилетия стремились осмыслить собственную роль. Это крупнейшая организация правящего класса, единственная имеющая мировые корни и одна из немногих, возможно, опять же единственная, чьи концепции опираются на долгосрочное историческое видение.

Кардинал Вальтер Каспер, один из лидеров наиболее активного *соборного* течения епископов и один из вдохновителей папства Хорхе Бергольо, в ряде текстов описал процесс отхода католичества от западноцентричной модели укоренения и формирования условия для *многополярной церкви*. В своём обзоре 2013 года, приуроченном к пятидесятилетию II Ватиканского собора, Каспер утверждал, что целью собора было признание конца «*константиновской эры*», то есть «*симбиоза Церкви и государства*», который со времён императора Константина в IV веке определял отношения с политической властью – в историческом контексте Римской империи, феодальной раздробленности и последующей системы государств в Европе. В 2011 году в своей работе по *экклесиологии* – дисциплине, которую можно назвать их “партийной теорией”, – Каспер помещает этот процесс в рамки «*кризиса культуры и цивилизации в Европе*». Эти тенденции были ухвачены Собором в 1960-е годы, но сегодня они резко ускоряются: «*Долгая константиновская эпоха (IV–XVIII вв.) и её воздействие на буржуазную эпоху, вместе с народной церковью, поддерживаемой своим социальным окружением, закончились Первой, а затем окончательно – Второй мировой войной. Таким образом, закончилась и “христианская” эра Европы. Конец константиновской эпохи означает конец Corpus christianum<sup>1</sup> и времени, когда христианство представляло собой большинство в Европе, опиралось на светскую власть как на свою политическую основу и в значительной степени влияло на общественную жизнь*».

По мнению Каспера, этот конец оказался «*ужасающим*», прошедшим через «*две тоталитарные системы*» и «*две мировые войны, которые глубоко изменили мир и буквально перепахали Европу*»; Освенцим и сталинский ГУЛАГ ужасающим образом показали «*провал современных идеологий и утопий*». Под сомнение было поставлено не только христианство, но и Просвещение, следствием чего стал «*нигилизм*».

Подводя итоги спустя полвека после Собора, Каспер отмечает два ключевых изменения. В то время речь шла о «*модерне*», тогда как сегодня мы живём в эпоху «*постмодерна*» – этот неопределённый термин хорошо отражает утрату смысла и идеалов, – или же в эпоху «*позднего модерна*» – определении, в котором узнаются черты общества *поздней империалистической зрелости*, проанализированные нашей марксистской теорией.

Вторая трансформация заключается в том, что с 1960-х годов церковь стала «*мировой*»: в глобализованном мире «*более двух третей католиков живут не в Европе, а в Южном полушарии*»; вопросы «*единства и множественности*», то есть отношений между римским центром и поместными церквями, ставятся по-новому.

С точки зрения Каспера – а это был 2011 год – в условиях кризиса в Европе и на Западе многие «*потеряли мужество*» и почувствовали себя «*ошеломлёнными*». Однако в этом вакууме, образовавшемся в обществе позднего модерна, церковь могла предложить себя как «*источник, наделённый смыслом*». Если хотите, это своего рода *порядок веры* – в то время как марксизм предлагает новым поколениям *научный порядок*. При этом Каспер не считает секуляризацию «*неизбежной судьбой*», которой остаётся только подчиниться – если только не впадать в «*ностальгическую мечту*» о величии, которого не вернуть, или в радикальные утопии «*новой Церкви*» третьего тысячелетия. Для реализации его «*программы*» не обязательно требуется «*большинство*», которого уже не заполучить, но достаточно «*творческого меньшинства*»: «*На самом деле, время старомодной народной Церкви*

*определённо прошло с окончанием Константиновской эры. При нынешнем положении дел христиане в Европе должны смириться – уже сейчас и тем более в будущем – с тем, что им придётся жить в положении диаспоры и меньшинства в культурно и религиозно плюралистическом обществе. Более того, они должны смириться с тем, что христианство больше не будет доминировать из Европы над всем миром, а станет в новом конкретном смысле всемирной Церковью».*

Важно отметить, что стратегическую концепцию, ставшую определяющей для понтификата Бергольо – идею «многополярной Церкви» с меньшим «евроцентризмом», – вероятно, разделял и Йозеф Ратцингер. Так, в «Последних беседах» 2016 года мы читаем: *«Очевидно, что больше не считается само собой разумеющимся, что Европа является центром мировой Церкви: универсальность Церкви является подлинной, различные континенты имеют в ней равный вес. Европа сохраняет свою ответственность, свои особые задачи. Однако в Европе вера находится в таком упадке, что Старый континент может быть подлинной движущей силой всемирной Церкви лишь в ограниченной степени. В то же время мы видим, что именно новые элементы, например, африканцы, южноамериканцы или филиппинцы, придают ей новую динамику, освежают уставший Запад и наполняют его новой энергией».*

По мнению Ратцингера, в Германии бюрократизация и политизация ограничивали живую динамику, поэтому отрадно, что другие влияния берут верх, и *«Европу теперь предстоит евангелизировать извне».*

Трудно сказать, насколько эта концептуальная схема будет полностью принята в программе Роберта Превоства, которая, являясь *преемственностью в уравнивании* – именно благодаря широкому консенсусу на конклаве, – по необходимости оказывается также *компромиссом* между различными линиями и различными тактическими акцентами. Она, конечно, не совпадает с *национал-католическими* ориентациями, доминирующими в Польше или Венгрии, или с *западническими* предложениями некоторых американских и европейских течений. Сюда, вероятно, можно отнести и сторонников Камилло Руини, хотя его *«культурный проект»* в период председательства в CEI (Итальянской епископальной конференции) был сосредоточен на неизбежности *«общественной роли»* церкви и на необходимости для Запада, уверенного в своих корнях, иметь дело с новыми гигантами, таким как Китай и Индия, чуждыми христианской традиции. Осмысление последствий конца Константиновской эпохи и одновременное отстаивание христианских корней Европы – задача не из простых. Тем более что, по Касперу, путь к церкви как к *«качественному и творческому меньшинству»* лежит через болезненный *«отказ»* от старой организационной структуры: церкви, *«построенные в годы “тучных коров”, окажутся слишком большими»* и будут закрыты; структуру приходов придётся изменить, а *«заслуженные благотворительные и социальные учреждения должны быть преобразованы».*

*(продолжение на стр. 2)*

*Июнь 2025 г.*

---

<sup>1</sup> - Христианский мир.